

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1 (3)

2020

И. Е. Дронов

Император Александр III и идея «государства правды» в русской политической традиции

DOI: 10.24411/2588-0276-2020-10015

Аннотация: Статья посвящена идее «государства правды» в русской политической традиции. Учение о «правде» как главном регулятивном принципе деятельности православного государя было разработано русскими средневековыми мыслителями (Иосифом Волоцким, Иваном Пересветовым, Максимом Греком) на основе христианского мирозерцания. Забытое после петровских преобразований в эпоху господства западных рационалистических идей в сознании российских правящих кругов, это учение возродилось в личности и политической деятельности императора Александра III. Следуя идеалу «правды», Александр III сумел умиротворить страну, раздираемую острыми социальными и политическими противоречиями, пресечь террористическую деятельность подпольных революционных организаций, добиться впечатляющих экономических успехов и прочно утвердить авторитет российского государства на международной арене как созидательной и миротворческой силы.

Ключевые слова: правда, царь, государство, политическая теория, либерализм, Александр II, Александр III, Иосиф Волоцкий, Бисмарк.

Об авторе: **Иван Евгеньевич Дронов**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К. А. Тимирязева.

E-mail: ivan_dronov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1948-4212>

Ссылка на статью: Дронов И. Е. Император Александр III и идея «государства правды» в русской политической традиции // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 256–269.

Ivan E. Dronov

**Emperor Alexander III and the Idea of the «State of Truth»
in Russian Political Tradition**

DOI: 10.24411/2588-0276-2020-10015

Abstract: The article is devoted to the idea of “state of truth” in the Russian political tradition. The doctrine of “truth” as the main regulatory principle of the Orthodox sovereign’s activity was developed by Russian medieval thinkers (Joseph Volotsky, Ivan Peresvetov, Maksim Grek) on the basis of the Christian worldview. Forgotten after Peter’s reforms in the era of the domination of Western rationalist ideas in the minds of Russian ruling circles, this doctrine was revived in the personality and political activity of Emperor Alexander III. Following the ideal of “rights of plants”, Alexander III was able to pacify the country, torn by sharp social and political contradictions, to suppress terrorist activities of the underground revolutionary organizations, to achieve impressive economic success and firmly establish the authority of the Russian state in the international arena as a creative and a peacekeeping force.

Keywords: truth, Tsar, state, political theory, liberalism, Alexander II, Alexander III, Joseph Volotsky, Bismarck.

About the author: **Ivan Evgenievich Dronov**

Candidate of History, Associate Professor of History and Cultural studies of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev.

E-mail: ivan_dronov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1948-4212>

Article link: Dronov I. E. Emperor Alexander III and the Idea of the «State of Truth» in Russian Political Tradition. *Russian-Byzantine Herald*, 2020, no. 1 (3), pp. 256–269.

Неординарный мыслитель и талантливый публицист-народник Николай Константинович Михайловский (1842–1904) как-то заметил, что русское понятие «правда» намного шире и богаче содержанием и смыслом, чем аналогичные понятия западно-европейских языков. В последних четко разделены категории «истины» как объективного состояния вещей и «справедливости» как субъективного отношения человека к фактам окружающей действительности. В русском же языке объективные и субъективные моменты, правда-истина и правда-справедливость сливаются в едином понятии «правды», придавая любой истине человеческое измерение и возводя человеческую справедливость до категории истины. «Как велик дух русского народа, — писал Михайловский, — уразумевший родственность истины и справедливости, самым языком свидетельствующий, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина — только отражение справедливости в области теории!..»¹ Отсюда следует, что истина не может быть бессовестной или бесчеловечной, а что бессовестно и бесчеловечно — то не есть истина. Как замечал А. С. Пушкин, «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Император Александр III,
1890 г.

Издrevле мудрецы Востока и Запада напряженно искали формулу истинного (идеального) общественного строя, соответствующего природе человека как существа высшего, имеющего божественное происхождение. Для Конфуция, Платона и Аристотеля очевидно было, что никакая политика не будет истинной, если не стоит на фундаменте этики, и что качество человеческой личности определяет качество политической системы. «В самом деле, — писал Аристотель, — совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно — человеком достойным. И тому, кто думает действовать в общественной и политической жизни, надо быть человеком добродетельного нрава»². Христианские концепции «благого царства» развили и укрепили эту античную традицию понимания искусства политики как культивирования добродетельной личности санкцией Бога — воплощенной Истины, Любви и Добра. Целью политических практик стала подготовка граждан Небесного Иерусалима, спасение от греха и погибели, а сред-

ством — водворение Правды в общественные отношения и внутренний мир человека.

В период становления единого русского государства — Московского православного царства, в XV–XVI вв., русские мыслители уделяли пристальное внимание выяснению содержания понятия «правды» и условий осуществления правды в государственном управлении. Для преподобного Иосифа Волоцкого, наставника великих князей Ивана III и Василия III, главным условием торжества правды являлась духовная чистота и совершенство верховного правителя. «По подобию небесныя власти дал ти есть небесный царь скипетр земнаго царства силы да человеки научиши правду хранити, — писал Иосиф Волоцкий великому князю. — Якоже кормчий бдит всегда, тако и царьски многоочиты твой ум содержит твердо добраго закона правило, иссушаа

¹ Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде (1875) // Сочинения Н. К. Михайловского. Т. 4. СПб., 1897. С. 384.

² Аристотель. Большая этика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 296.

крепко беззакония потоки, да корабль всемирныя жизни, сиречь всеблагаго царствия твоего, не погрязнет волнами неправды». Конкретно обязанности государя заключались в следующем: «Подобает же ти, благочестивий царю, всяко тщания и о благочестии имети и сущих под тобою от треволнения спасати, душевна и телесная, и душевное бо есть треволнение еретическое учение, телесное же есть треволнение — татьба и разбойничество, хищение, и неправда, и обиды, и прочаа злаа дела, иже убо телесне врежают (вредят), а не душевне». Всецело на совести государя, в силу данной ему свыше неограниченной власти, лежит ответственность и за неправду, которую творят его подданные: «Скыпетр царствия приим от Бога, блюди, како угодиши давшему ти то, не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже и инии зло творят»³.

Государь, не имеющий в сердце божественной правды и не способный ее утверждать в своем царстве, недостоин своего высокого звания: «Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего — неверие и хула, — такой царь не Божий слуга, но дьяволов, и не царь, но мучитель. Такого царя, за его лукавство, Господь наш Иисус Христос называет не царем, а лисицей»⁴. Только благоустроенная личность способна создать благоустроенное государство.

Понятие «правды» играет роль смыслового ядра в политической концепции Ивана Пересветова, изложенной в его «Большой челобитной» (1549) для царя Ивана Грозного. «Бог любит правду лутчи всего», «правда сильнее всего», «правду во царстве своем введешь, и Богу сердечную радость воздашь», повторял на разные лады Пересветов, подчеркивая, что «истинная Правда — Христос Бог наш, Сын Божий возлюбленный»⁵. «Ни в чем так не нуждается благоверно царствующий на земли, как в правде», — так наставлял царя Ивана Грозного и преподобный Максим Грек. «Кротость и долготерпение, попечение о подчиненных, щедрое расположение к своим боярам, преимущественно же правда и милость» — вот что, по мнению преподобного Максима, присуще подлинно христианским государям»⁶. С увещательными и обличительными речами о «правде» многократно обращался к Грозному и святой митрополит Филипп. «Ты поставлен от Бога судить в правде людей Божиих, а не образ мучителя воспринять на себя, — взывал к царю святитель. — Прощай, да и тебе прощено будет... Всякий не творяй правды, и не любяй брата своего, несть от Бога»⁷.

Понятийная сетка западного «правового» сознания не улавливает «правды», как ее понимали русские православные книжники XVI в., то есть как совпадения правды-истины, правды-справедливости, правды-красоты, правды-любви, являющихся преломлением в человеческой душе света единой Божественной Правды. Для рационально-правового сознания «правда» есть нечто субъективное, глубоко внутреннее (вещь-в-себе), не поддающееся формализации и определению процедурами верификации и поэтому как бы несуществующее. В противоположность «правде» право в качестве писаного и фиксированного закона есть вещь абсолютно эксплицитная и грубо-зримая.

Конфликт между правом и правдой обострился, когда Петр I попытался утвердить в России немецкий *ordnung*⁸, обставив каждое проявление жизни подробным регламентом, законом и инструкцией. Особенно большие надежды на некую инструкцию (конституцию), открывающую двери общественного благоденствия, возбудили в российской образованной элите освободительные реформы Александра II 1860–1870-х гг. В ту эпоху казалось, что самое сильное, поистине чудесное заклинание

³ Послания Иосифа Волоцкого. М., 1959. С. 183–184.

⁴ *Иосиф Волоцкий, преп.* Просветитель. М., 1993. С. 189.

⁵ См.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 396–400.

⁶ Цит. по: *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.–Л., 1947. С. 158, 161.

⁷ Цит. по: *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 3: Святой Филипп, митрополит Московский. М., 2000. С. 99–103.

⁸ Порядок (нем.).

Великие князья Николай Александрович и Александр Александрович, 1862 г.

выдуманно либеральными парадоксалистами, наподобие английского философа Ман-девиля, утверждавшего, что «частные пороки являются общественным благом, которое показывает, что недостатки порочного человека могут принести пользу гражданскому обществу и сыграть роль нравственных добродетелей», вследствие чего «во все времена самые большие злодеи всех мастей способствовали общему благу»⁹. Подразумевалось, что эгоизм, своекорыстие, зависть, тщеславие, жадность и прочие осуждаемые христианской моралью низменные страсти на самом деле служат мощными стимулами к возбуждению продуктивной деятельности, приводят к процветанию промышленности и росту общественного благосостояния (материального), — следовательно, исключительно ценны и полезны. Апология рыночного либерализма в известном труде Адама Смита «Богатство народов», где некая «невидимая рука» приводит разнонаправленные стяжательские устремления каждого к равнодействующей всеобщего изобилия, явилась лишь переводом памфлета Мандевиля на язык науки политэкономии, придав статус научной истины сомнительным парадоксам. То, что проповедовали в качестве научной истины либералы, по сути, оказывалось переворачиванием известного выражения: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». «Дурными намерениями вымощена дорога в рай», — как будто бы утверждали они, обосновывая тем самым новый, мэфистофелевский принцип в политике

⁹ Цит. по: *Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма*. М., 2010. С. 117–118.

(Мефистофель, напомним, рекомендовал себя как «часть той силы, которая, всегда стремясь ко злу, творит добро»).

В XIX в. этот мефистофелевский принцип получил развитие в разных западных учениях: в гегельянстве с его диалектическими хитростями, превращающими зло в добро, рабство в свободу, ложь в истину; в марксизме, в котором ужасы первоначального капиталистического накопления и нещадной эксплуатации трудящихся выступают обязательной предпосылкой будущего социалистического блаженства (этот марксистский имморализм, органичный для Европы, не могли принять даже русские революционеры и радикалы от Герцена до Михайловского¹⁰); в социал-дарвинизме, рассматривающем уничтожение всех социально неадаптированных в борьбе за существование наилучшим средством совершенствования человеческого рода. Во всех этих учениях общественный прогресс носит безличный характер, конкретный человек не имеет никакого значения, его субъективная приверженность добру или злу, правде или неправде, его нравственный выбор — теряются в общей экономии объективных закономерностей.

Среди выдающихся политиков второй половины XIX в. наиболее ярким воплощением мефистофелевского принципа являлся, несомненно, Отто фон Бисмарк, канцлер Германской империи (1871–1890). Как и Макиавелли в XVI в., Бисмарк считал единственно эффективными средствами для достижения политической цели (объединения Германии) «железо и кровь», циничный обман на глазах у всего мира (эпизод с эмской депешей в 1870 г.), исходя из соображения, что победителей не судят. В Европе, успевшей привыкнуть к массовым кровопролитиям ради амбиций «великих людей», Бисмарк был признан гением, красой и гордостью человечества, однако в России поэт Ф. И. Тютчев (не банкир, не министр, а *поэт!*) осмелился отвергнуть «евангелие от Бисмарка»: «Единство, — возвестил оракул наших дней, — быть может спяно железом лишь и кровью... Но мы попробуем спаять его любовью, — а там увидим, что прочней...»¹¹.

И именно в России появился политик, который посреди всеобщего обольщения бисмарковской *Realpolitik*, заговорил о Правде как руководящем принципе государственной деятельности. Это был Александр III.

Он не должен был царствовать, но умер его старший брат, цесаревич Николай (1843–1865), и Александр в 20 лет неожиданно стал наследником престола Российской империи. Поначалу новое положение вызывало у него смятение, страх оказаться не на уровне огромной ответственности, лежащей на его плечи. Отсюда возникло желание отказаться от наследования престола, прожить жизнь частного человека, для себя и своей семьи. Состоялся мужской разговор с отцом, императором Александром II. «Что ж ты думаешь, что я по своей охоте на этом месте, — сказал отец, — разве так ты должен смотреть на свое призвание?..»¹² Размышляя над неожиданными переменами в своей жизни, цесаревич Александр писал в дневнике: «Вот что значит *Божия Воля*. Человек думает одно, а Бог совершенно иначе располагает нами» (27 ноября 1866 г.)¹³; «Дай Бог выполнить мне все мои обязанности, и мое высокое и страшное призвание. На ты, Господи, уповахом!» (24 марта 1866 г.)¹⁴; «Молю Бога послать нам Его благословение и сделать меня достойным моего звания. Хотелось бы мне очень показать в нынешнем году России, что я могу ей служить и могу быть полезен» (1 января 1868 г.)¹⁵.

Свое служение России цесаревич не стал откладывать на будущее. Остановимся только на двух сюжетах его борьбы за правду: один касается национальной

¹⁰ См.: Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 2010.

¹¹ Тютчев Ф. И. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. М., 1980. С. 212.

¹² Дневник великого князя Александра Александровича, 19 мая 1866 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 330.

¹³ Там же. Л. 80.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 188.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 97.

Цесаревич Александр Александрович,
1865 г.

политики в Прибалтийских губерниях, второй — экономики.

В Прибалтике (Остзейском крае) со времен Ливонского ордена безраздельно господствовали немецкие элиты — потомки рыцарей, бароны-помещики, и лютеранское духовенство. Автохтонное население — эстонцы и латыши — служили немцам в качестве рабочей силы, бесправные и униженные. Издавна остзейские бароны (Бироны, Бенкендорфы, Палены, Адлерберги) были в большой силе при петербургском дворе, покровительствовавший им и Александр II (благоволение императоров к немцам объяснялось примерно так: «Русские служат России, а эти — лично мне»). Пользуясь таким фавором в столице, остзейцы образовали в своих губерниях (Эстляндской, Лифляндской и Курляндской) настоящий *status in statu*¹⁶, где общероссийские законы не действовали. Для русского помещика было невозможно купить землю в этих губерниях, русский купец не смел сунуться в Ригу и Ревель со своим товаром, православные общины не могли получить разрешения на постройку церкви, весь документооборот в государственных учреждениях производился только на немецком языке (разумеется, в Дерптском императорском универ-

ситете преподавание велось исключительно на немецком), все административные должности в крае занимали только немцы, а попытки Петербурга назначить хотя бы русского по национальности губернатора вызывали волну возмущений остзейцев по поводу «русского колониализма» и их угрозы отделения от империи. С образованием в 1860–1870-х гг. бисмарковской Пруско-Германской империи остзейцы открыто начали похваляться, что считают свой край частью Германии, а не России. Об этой проблеме славянофил Ю. Ф. Самарин написал в 1867 г. цикл статей и опубликовал их в газете другого славянофила, И. С. Аксакова, «Москва».

Под впечатлением от чтения этих публикаций Самарина наследник написал А. Ф. Аксаковой 17 марта 1867 г.: «Я прочел в газете „Москва“, которую издает ваш муж, эти 2 письма из Москвы, в которых говорится о милых событиях в Прибалтийском крае. Вы не можете себе представить, какое ужасное впечатление сделали на меня эти 2 письма, так сильно и справедливо обвиняющие Правительство в том, что оно допускает такие мерзости с православием в Прибалтийских Губерниях. Такие статьи, как эти 2 письма, не скоро изглаживаются из памяти, и ужас правды глубоко впал в мое сердце. Говорят, эту статью написал г-н Самарин и что его за эту статью хотели отдать под суд. Не знаю, правда ли это, но во всяком случае, если это правда было так, то это возмутительно. — Как, человека, который решился высказать всю правду

¹⁶ Государство в государстве (лат.).

и не боится писать такие статьи, и его за это под суд! Вместо того чтобы быть благодарным такому человеку, который указывает правду и раскрывает глаза Правительству, если оно само не видит всех гадостей, которые творятся в Прибалтийских Губерниях...»¹⁷

Любопытно, что это письмо цесаревича, которое тот неосторожно послал по обыкновенной почте, было перлюстрировано, а копия его представлена начальнику III Отделения П. А. Шувалову. Шувалов доложил о сем Александру II. В результате последовал высочайший запрет цесаревичу высказывать публично какие-либо особые мнения по остзейскому вопросу, кроме официальных. Замолчать на эту тему потребовали и от прессы, а газета «Москва» была закрыта.

Однако как только в 1881 г. цесаревич Александр взошел на престол, одним из первых же крупных мероприятий его царствования стала посылка в Остзейские губернии сенаторской ревизии. Ревизия производилась в 1882–1883 гг. сенатором Н. А. Манасеиным, и по ее итогам им был составлен подробный отчет обо

всех несоответствиях остзейских порядков российскому законодательству и предложена программа реформ по восстановлению российского суверенитета в Прибалтике. Принимая Манасеина после окончания ревизии, в ноябре 1883 г., «государь благодарил его, назвав продолжателем работ Самарина»¹⁸. Уже в 1885 г. были уволены все три остзейских губернатора-немца и на их место назначены русские. В том же 1885 г. делопроизводство и переписка присутственных мест в этих губерниях была переведена исключительно на русский язык. В декабре 1885 г. в беседе с остзейцем графом К. И. Паленом, пытавшимся приостановить реформы, «государь с полной откровенностью изложил ему свое намерение уничтожить все привилегии балтийского дворянства, говорил о существовании среди его партии, желающей присоединиться к Германии»¹⁹. И действительно, во исполнение «непреклонной воли» Александра III в 1888 г. полицейское устройство в крае было преобразовано по общеимперскому образцу. В 1889 г. состоялась судебная реформа: в трех прибалтийских губерниях были введены общероссийские Уставы 1864 г. В конце 1880-х гг. преподавание во всех учебных заведениях края, в том числе в Дерптском университете, было переведено на русский язык. В 1893 г. университет в Дерпте получил название Юрьевского, а самому Дерпту было возвращено древнее русское имя — Юрьев. В феврале 1886 г. Александр III утвердил закон, предусматривающий возможность принудительного отчуждения земельных участков до 5 десятин для православных церквей, школ и кладбищ, с возмещением владельцам их стоимости.

Портрет императора Александра III
наследником.
Худ. И. Н. Крамской, 1876 г.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 638. Л. 1–2.

¹⁸ Дневник А. А. Киреева за 1881–1884 гг. // НИОР РГБ. Ф. 126. Ед. хр. 9. Л. 274.

¹⁹ Половцов А. А. Дневник (1883–1886 гг.). Т. 1. М., 1966. С. 365.

Так был уничтожен полунезависимый анклав, многовековой оплот сепаратизма и русофобии на западных границах России. В Прибалтике начали селиться русские люди, Рига постепенно превращалась в русский город. Одновременно для эстов и латышей впервые открылись пути к образованию, росту национального самосознания и культуры. За это, кстати, многие консерваторы (например, К. Н. Леонтьев) резко критиковали остзейскую политику Александра III, находя ее слишком либеральной.

Другим родом неправды, с которым столкнулся молодой цесаревич Александр в середине 1860-х гг., было железнодорожное строительство. В эти годы Россия остро нуждалась в создании современной транспортной сети, поэтому государство всемерно поощряло железнодорожное предпринимательство. Русское правительство занимало у европейских банкиров огромные суммы (так называемые «железнодорожные займы») и передавало концессию на постройку той или иной дороги частным акционерным обществам. Последние получали практически неограниченный кредит из «железнодорожных займов», возвращали который предполагалось из доходов будущих дорог. Однако если дороги оказывались бездоходными или убыточными, казна обязывалась в любом случае выплачивать хозяевам дорог заранее оговоренные дивиденды. Таким образом все гарантированные доходы текли в карманы акционеров, а все долги и убытки брала на себя казна. Наибольшее влияние на ход подобных дел оказывал министр финансов М. Х. Рейтерн со своими подручными, ближайшие родственники Александра II, великие князья и его фаворитка (впоследствии вторая, мorganaticкая, супруга) княжна Е. М. Долгорукая.

Когда вопросы о концессиях обсуждались в Комитете министров, перед цесаревичем Александром открывались неприглядные картины хищничества и неправды. 2 августа 1868 г., с намерением раскрыть государю глаза на происходящее, цесаревич написал ему «по поводу концессии на Харьковско-Кременчугскую дорогу», которая была передана чиновниками из Минфина на самых разорительных для казны условиях: «Прости меня, милый Папа, что я решился высказать тебе всю правду, но кому же, как не мне, тебе ее говорить. Это мой долг и в этом пока состоит моя служба тебе и Отечеству, и если только ты мне позволишь раз навсегда писать и говорить тебе истинную правду постоянно, то я буду счастлив, как никогда. К несчастью, в последнее время в Министерстве Финансов были неоднократно подобные сделки по поводу железных дорог, и это я могу положительно сказать. Теперь, если можно было бы приказать все это дело о Харьковско-Кременчугской дороге пересмотреть снова по существу в Комитете Министров, было бы самое лучшее...»²⁰ Но на все подобные обращения цесаревич получал от императора один ответ: это не в твоей компетенции...

В 1867 г. в Министерстве финансов была затеяна еще одна афера, имевшая в виду приватизацию железнодорожной магистрали Санкт-Петербург — Москва (Николаевская железная дорога). Эта высокодоходная дорога являлась самой прибыльной в Европе и служила одним из немногих стабильных источников наполнения государственной казны, и ее собирались передать в собственность компании иностранных капиталистов (так называемому Главному Обществу российских железных дорог) фактически безвозмездно. Единственным аргументом выдвигалось то, что в частных руках любое дело лучше спорится и дорога станет намного эффективнее. Протесты цесаревича, как и некоторых других сановников, Александром II были проигнорированы. «Тогда было принято за аксиому, — писал в своих воспоминаниях военный министр Д. А. Милютин, — что постройка и эксплуатация железных дорог „казенным порядком“ всегда невыгодны, так же как и всякое вообще казенное предприятие и управление. М. Х. Рейтерн не раз заявлял во всеуслышание, что он, пока будет министром, ни за что не допустит казенных железных дорог. Основным принципом было поставлено поощрять и поддерживать частную предприимчивость.

²⁰ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 729. Л. 173–174.

Исключительность и односторонность в применении этого принципа развили дух спекуляции до крайней бесцеремонности»²¹.

Этот подход привел к тому, что к 1881 г. в собственности государства осталось 0,7% протяженности железнодорожных линий, или ровно 164 версты. И это при том, что из 1,8 млрд. рублей, вложенных в постройку железных дорог, 1,4 млрд. рублей (или 80%) составляли казенные средства. Характерно, что государственный долг России в начале 1880-х гг. достиг свыше 4 млрд. золотых рублей, а ежегодные выплаты процентов составляли 38% расходов государственного бюджета. Российская империя оказалась на грани государственного банкротства.

Но еще более угрожающим было идейное и духовное банкротство, которое переживал правящий слой России Александра II. Вот только один пример. В конце 1870-х гг. прогоревший на железнодорожных спекуляциях высокопоставленный чиновник А. А. Абаза обратился к своему приятелю С. А. Грейгу, занимавшему тогда пост министра финансов, с просьбой выдать ему взаймы из казны 900 тысяч рублей, предложив в обеспечение займа облигации убыточной Фастовской железной дороги, которые не котировались даже на бирже. Грейг убедил Александра II оказать помощь. И государство, только что пережившее тяжелую войну с Турцией, обремененное внешними долгами, с бюджетным дефицитом, стоящее перед угрозой голода (который действительно последовал в 1880 г.), идет на фантастический обмен²²! А через год А. А. Абаза и сам был назначен министром финансов империи. И подобных постыдных примеров коррупции в верхах известно немало. Становясь достоянием общенности, они не только подрывали престиж действующей власти, но и дискредитировали саму монархическую государственность.

В сложившемся положении невозможно переоценить роль восшествия на престол Александра III. Его старший брат, рано умерший цесаревич Николай, незадолго до своей смерти сказал о нем: «У нас у всех несколько лисья натура, у одного брата Александра хрустальная душа»²³. Близко знавший Александра Александровича граф С. Д. Шереметев вспоминал, как тот удалил от себя одного придворного, состоявшего при его особе, потому, «что не мог простить ему „неправды“». Он сказал ложь, и этого Цесаревич не прощал никому, будучи сам воплощенной правдой»²⁴. Точно так же отзывались об Александре III все, кто знал его лично. Неслучайно первым деянием нового государя стало обращение к народу с Манифестом 29 апреля 1881 г.: «Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений... Мы призываем всех верных подданных наших служить Нам и государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей Землю Русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды...»²⁵ Именно по поводу этого Манифеста иронизировал германский посол в Петербурге Г.-Л. фон Швейниц: с точки зрения посланника князя Бисмарка создание в России «империи правды» было утопией²⁶.

Для реализации намеченной программы новому царю требовалось убрать из правительства тех, кто олицетворял собой прежний режим, доведший Россию до царубийства, — прежде всего, министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова и министра финансов А. А. Абазу, наиболее активных сторонников введения в России либерально-конституционного правления. «Добра от этих министров ждать я не могу.

²¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 165.

²² См.: Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Т. 1. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2013. С. 771.

²³ Чичерин Б. Н. Воспоминания (1861–1868). Московский университет. М., 1929. С. 154.

²⁴ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 440.

²⁵ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. М.–Пг., 1923. С. 52.

²⁶ См.: Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 175.

Неискренни их слова, неправдой дышат»²⁷, — написал Александр III своему единомышленнику в правительстве обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву 21 апреля 1881 г. Вскоре Лорис-Меликов и Абаза были отправлены в отставку.

Александра III и К. П. Победоносцева часто упрекали за то, что в 1881 г. они встали на пути конституционной реформе российской власти, тем самым затормозив якобы некий прогресс и политическую модернизацию России. Однако для них было очевидно, что для введения в государстве правды потребна прежде всего перемена внутренняя, а не внешняя, перемена в людях, а не в структурах, поскольку только в личности правда обитает и от нее исходит. «Монархия есть идея подчинения интересов и желаний высшей *правде*, — объяснял смысл самодержавия Л. А. Тихомиров в своей статье об Александре III под названием «Носитель идеала». — В монархии нация ищет освящения всех проявлений своей сложной жизни подчинением *правде*. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность имеет *совесть*, только личность несет *ответ* перед Богом. Нужна власть *неограниченная*, ибо всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы *не правде*, а тем или иным интересам, той или иной земной силе. Однако неограниченность и единоличность решения есть не существо монархии, а лишь необходимое условие для того, чтобы все социальные интересы, всю их вражду и борьбу приводить к соглашению пред одинаковою над всеми властью *правды*. Вот почему носитель идеала и пришел в мир по высказанному в последние дни всем миром убеждению, как царь *правды* и *мира*. Он должен был быть именно таков, ибо сущность монархии и состоит в *примирающей силе высшей правды*»²⁸.

Что же принесло правление царя правды России?

Во-первых, кровавая «крамола», жертвой террора которой стал Александр II, была уничтожена, причем без каких-либо суровых мер, не путем ответного беспощадного террора, а ежедневной наглядной демонстрацией перед лицом страны того, что государь верит в правду, работает для правды, гнушается хищением и неправдой и выводит их с корнем. Народ видел, что государь честен и правдив, что он делает то, что обещает, что принимаемые им законы справедливы и имеют в виду общее благо, а не благо отдельных царских друзей или «классово близких» элементов в ущерб всем остальным. Причины разочарования русской интеллигенции в революционно-террористических предприятиях исчерпывающе объяснил сам переживший такой внутренний переворот бывший член Исполнительного комитета «Народной воли» Лев Тихомиров: «Надо помнить, — писал он, — что правительство Александра III с каждым годом не скажу — приобретало симпатии, но покорило сердца множества людей в Европе. При Александре II Россия была какой-то приниженной страной, и, конечно, никому не могло прийти в голову гордиться тем, что он русский. При Александре III произошло превращение. Россия стала вставать в виде какой-то громадной национальной силы. Это производило огромное впечатление даже на эмиграцию. Прежде быть врагом правительства нисколько не значило быть врагом России. Теперь правительство начало все больше отождествляться с Россией, так что, враждуя с ним, человек в глубине души начинал спрашивать себя, не враждует ли он и со своим народом?»²⁹.

Упомянем только несколько принятых при Александре III законов, направленных к водворению правды в государственной жизни. С целью искоренения разных финансовых пирамид, расцветавших в предыдущее царствование и творящихся под покровом «коммерческой тайны», в апреле 1883 г. был принят закон, дававший право Министерству финансов требовать у частных банкиров отчета о состоянии дел и назначать правительственные ревизии в любой момент, не спрашивая согласия хозяев банковских заведений. 3 декабря 1884 г. Александром III были утверждены

²⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полумом 1. С. 49.

²⁸ Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 531.

²⁹ Его же. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 417.

«Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно и в общественных и кредитных установлениях». Установленный отныне порядок запрещал участие в любых коммерческих предприятиях чинам первых пяти классов по табели о рангах (в их число попадали все министры и их товарищи, члены Государственного Совета, губернаторы и градоначальники, директора департаментов и т. д.), а также всем лицам судебного ведомства и всем состоящим на действительной военной службе. При Александре II никаких ограничений на коммерческую деятельность чиновников не существовало. В мае 1885 г. Александр III утвердил закон о налоге на ратье. Теперь любые доходы с вкладов в частных и государственных банках, а также с процентных бумаг обкладывались пятипроцентным сбором. При этом «работающие деньги», вложенные в акции промышленных и торговых предприятий или сельскохозяйственных кредитных учреждений, таким налогом не облагались. 3 июня 1886 г. в России, одной из первых в Европе, было принято рабочее законодательство, весьма передовое по тогдашним

Портрет императора Александра III
с рапортом в руке.
Худ. В. А. Серов, 1900 г.

меркам, защищавшее важнейшие права наемных работников от произвола капиталистов. В 1893 г. запрещены любые операции на бирже, имеющие признаки финансовой спекуляции. Банки, замеченные в подобных делах, лишались лицензии. 24 мая 1893 г. издан закон, ограничивающий верхний предел ссудного процента 12% в год; ранее это никак не регулировалось и ростовщики могли получать до 200% годовых. 6 июня 1894 г. высочайшим указом была введена в России государственная винная монополия, которая не только обеспечила поступление в казну больших денежных средств, но и гарантировала высокое качество потребляемой населением алкогольной продукции.

Целенаправленным и настойчивым был курс Александра III на возвращение железных дорог в государственную собственность. Одним из первых шагов его царствования была ренационализация Николаевской железной дороги, а всего к концу его правления государству принадлежало 65% железнодорожной сети, что позволило осуществлять централизованное управление транспортной системой и значительно снизить тарифы на перевозку грузов и пассажиров. При этом, вопреки либеральным предрассудкам, переход железных дорог из частных рук в государственные привел к росту чистой прибыли от их эксплуатации ровно в два раза³⁰. В 1891 г. Россия приступила к самому грандиозному предприятию XIX столетия — постройке Транссибирской железнодорожной магистрали.

³⁰ См.: Император Александр III. СПб., 1894. С. 88.

Александр III. [«Когда Русский Царь удит рыбу, Европа ждет».]
Худ. П. В. Рыженко, 2014 г.

За недолгое царствование Александра III (1881–1894) страна сумела не только выйти из социально-экономического кризиса, но и удвоить свой экономический потенциал. Причем речь идет не о пресловутом «удвоении ВВП», а об увеличении в среднем в два раза натуральных показателей производства промышленной продукции. Одним из мощных инструментов резкого увеличения производства стал при Александре III таможенный протекционизм, порицаемый либеральной теорией «свободного рынка». И здесь, будучи первым гражданином государства, Александр III чувствовал себя обязанным подавать пример законопослушания и исполнения своего долга, чтобы иметь право того же требовать от остальных. Характерен в этом отношении случай, когда однажды, «при возвращении из-за границы, Александр III приказал осмотреть в Вержболове (пограничная станция на прусской границе, где располагалась таможня) багаж не только сопровождающих, но и собственный их величеств. Затем он сам уплатил за вещи царицы, купленные за границей, и приказал прислуге тоже уплатить пошлину, а также штраф за утаенные предметы»³¹.

Современник «железного» XIX в., европейских кумиров — Бисмарка и Ницше, которые (один — практически, другой — теоретически) отрицали евангельские заповеди, Александр III, тем не менее, пошел своему веку наперекор, стал Миротворцем. Ни одной войны, ни одной капли русской крови — таков итог международной политики Александра III. При этом все отмечали огромный рост авторитета России на международной арене, который опирался не столько на штыки и страх перед ее военной мощью, как в былые времена, но на невольное уважение к честной, открытой и искренне, а не притворно миролюбивой политике русского монарха. Даже в глазах обычно критически настроенных к России европейцев Александр III выступал олицетворением христианского принципа «*beati pacifici*» (блаженны миротворцы) в противоположность принципу «*beati possidentes*» (блаженны владеющие, захватывающие),

³¹ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского Императора. М., 1993. С. 52.

сформулированному канцлером Бисмарком³². И недаром именно в дипломатической дуэли с Александром III прославленный «железный канцлер» потерпел жестокое поражение, приведшее к краху его политической карьеры. Историк В. О. Ключевский отдал должное этому царю, сказав: «Он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покориł общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обиходе человечества»³³.

Источники и литература

1. Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. 400 с.
2. *Аристотель*. Большая этика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
3. *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 312 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 677 (Александр III).
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678 (Александр II).
6. *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 499 с.
7. *Иосиф Волоцкий, преп.* Просветитель. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. 384 с.
8. Император Александр III. СПб.: Типография Князя В. П. Мещерского, 1894. 282 с.
9. *Лаваль К.* Человек экономического. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
10. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М.: Индрик, 2001. 736 с.
11. *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1868–1873. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 736 с.
12. *Михайловский Н. К.* Письма о правде и неправде (1875) // Сочинения Н. К. Михайловского. Т. 4. СПб.: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1897. 1021 с.
13. *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского Императора. М.: Частная фирма «Анкор», 1993. 288 с.
14. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126 (Киреев А. А.).
15. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. 439 с.
16. *Половцов А. А.* Дневник (1883–1886 гг.). Т. 1. М.: Наука, 1966. 552 с.
17. Послания Иосифа Волоцкого. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 391 с.
18. *Тихомиров Л. А.* Критика демократии. М.: Москва, 1997. 672 с.
19. *Тихомиров Л. А.* Тени прошлого. Воспоминания. М.: Издательство журнала «Москва», 2000. 720 с.
20. *Твардовская В. А., Итенберг Б. С.* Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М.: Едиториал УРСС, 2010. 216 с.
21. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания (1861–1868). Московский университет. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1929. 280 с.
22. *Шестаков И. А.* Полвека обыкновенной жизни. Т. 1. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб.: Судостроение, 2013. 864 с.

³² См.: Император Александр III. СПб., 1894. С. 95.

³³ Там же. С. 180.